

© 2019 г.

Н. П. ТАНЫШИНА

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МЕЖДУ МИФОМ, БРЕНДОМ И ЛЕГЕНДОЙ

Танышина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Исследование осуществлено по гранту Правительства РФ в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

DOI: 10.31857/S013038640004846-8

Наполеон — это феномен, «который больше не повторится и который сам по себе есть целый мир нравственный и политический»¹. Эти слова принадлежат графу Шарлю-Андре Поццо ди Борго, другу юности, а впоследствии кровному врагу Наполеона Бонапарта. Франсуа-Рене де Шатобриан, убежденный противник Наполеона, был одним из создателей не только «черной легенды», «антимифа», но и творцом его культа, или «золотой легенды». В этом году исполняется 250 лет со дня рождения Наполеона Бонапарта, и его имя, уже при его жизни превратившееся в легенду, стало не просто мифом, но и национальным, точнее интернациональным, брендом, фирменным знаком.

Все французские режимы по-разному к нему относились, порой спекулируя на его памяти, используя из его наследия то, что подходило им. Наполеон притягивает и отталкивает, завораживает и вызывает неприятие, но никого не оставляет равнодушным. Он сам начал создавать свою легенду, он — главный архитектор этой конструкции; он, можно сказать, первый «менеджер в истории». И легенда — основа его культа и почитания.

Как французские власти на разных этапах относились к его имени и наследию? Как современные историки оценивают причины его популярности во всем мире? Поскольку наполеоновская историография безгранична, остановимся на работах последних лет, опубликованных во Франции и Великобритании и посвященных непосредственно «наполеоновской легенде» и памяти о нем². Это книга доктора истории Университета Поль Валери-Монпелье-III Эмиля Керна «Наполеон. Двести лет легенды. История памяти Первой империи»³. В течение многих лет автор посещал места наполеоновских битв и реконструкций, места, связанные с памятью о Наполеоне. История «наполеоновской легенды» — это тема докторской

¹ Слонимский Л. З. Франко-русская политика в начале столетия. — Вестник Европы, 1891, № 2, с. 823.

² Работы французских наполеоноведов, посвященные непосредственно Наполеону Бонапарту и разным этапам его биографии, в том числе многочисленные труды Жана Тюлара, директора Фонда Наполеона Тьерри Ленца, а также Жака-Оливье Будона, президента Института Наполеона, в рамках этой статьи не являются предметом специального анализа.

³ Kern E. Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire. Paris, 2016.

диссертации Керна. Книга состоит из трех частей. В первой рассматриваются основные моменты жизни Наполеона и легенды, создаваемой им самим; во второй части речь идет о создании легенды на протяжении двух веков, как «золотой», так и «черной»; в третьей анализируется Наполеон в социокультурном пространстве начала нынешнего столетия.

Поскольку для англичан Наполеон является «предпочитаемым врагом» (он враг достойнейший, и они смогли его победить), интерес представляет их взгляд на Наполеона. В 2008 г. была опубликована книга Судхира Хазарисингха, английского историка, «Легенда Наполеона»⁴. Для автора история Наполеона — это глубоко личностная история, корнями уходящая в его детство на острове Маврикий, который до 1810 г. был французским, назывался Иль-де-Франс. В семье был настоящий культ Наполеона. Он, по словам историка, был не просто семейной «интеллектуальной вселенной», а ежедневно присутствовал в жизни семьи. В гостинной была эпинальская картинка⁵, представляющая Наполеона в Булонском лагере, награждающего солдат орденом Почетного легиона. Каждому члену семьи в обиходе давали имя одного из маршалов Наполеона. Автора книги домашние называли Неем, отца — Мюратом, а мать — самим Наполеоном⁶.

Доктор истории Ксавье Модюи опубликовал книгу с броским названием: «Наполеон. Человек, который хотел все»⁷. По его словам, «момент Наполеона — это важнейшая глава национального романа»⁸. Еще одна из книг, представляющая интерес — работа Жоржа Пуасона «Авантюра возвращения останков»⁹. В центре внимания автора — история с перезахоронением «праха», точнее останков, Наполеона, предпринятая королем Луи-Филиппом в 1840 г. Автор прослеживает эволюцию славы Наполеона как нового Прометея, узника Святой Елены, чемпиона идей 1789 г. и национальных движений, будораживших Европу весь XIX в. Жак Демужен в 2005 г. опубликовал книгу «Наполеон, легенда»¹⁰. В 2013 г. вышла работа Сильвиана Паже «Наполеоновский миф: от Лас Каза до Виктора Гюго»¹¹. Как видим, книги издавались к юбилеям: либо провозглашения Первой империи, либо ее краха. Хотя в данном случае не так уж важно, когда выходили работы: книгам о Наполеоне обеспечен если не успех, то читательский спрос. Французский историк Эрик Ансо, специалист по Второй империи, заметил: «Не проходит и дня без того, чтобы кто-то не написал о Наполеоне»¹². По словам К. Модюи, каждая новая публикация о Наполеоне важна, по крайней мере, тем, что поддерживает эту необыкновенную книжную статистику и добавляет несколько миллиметров к километрам императорской библиографии¹³. Если посмотреть на полки как книжных гигантов, таких как «Жибер Жозеф», так и маленьких либрери, то книги о Наполеоне уступают, может быть, только работам о Второй мировой войне и войне в Алжире. Помимо общих биографий Наполеона и его окружения существует множество книг о каждом этапе его жизни, о годах его правления, этюды о военных кампаниях и всех битвах.

⁴ Hazareesingh S. La légende de Napoléon. Paris, 2008.

⁵ «Эпинальскими картинками» (Image d'Épinal) назывались иллюстративные листки с познавательными сюжетами на самые разные темы, изготавливавшиеся в печатном ателье Ж.-Ш. Пеллерена (1756–1836) из городка Эпиналь (Лотарингия). Техника печати была такова: деревянная гравюра раскрашивалась в несколько цветов с помощью трафарета.

⁶ Hazareesingh S. Op. cit., p. 17.

⁷ Mauduit X. L'homme qui voulait tout. Napoléon, faste et propagande. Paris, 2015.

⁸ Ibid., p. 283.

⁹ Poisson G. L'Aventure du Retour de cendres. Préface de J. Tular. Paris, 2004.

¹⁰ Demougin J. Napoléon, la légende. Paris, 2005.

¹¹ Pagé S. Le mythe napoléonien. De Las Cases à Victor Hugo. Paris, 2013.

¹² Цит. по: Hazareesingh S. Op. cit., p. 322.

¹³ Mauduit X. Op. cit., p. 7.

Итак, как французские власти относились к наследию Наполеона на протяжении XIX–XXI столетий? Для всех французских режимов после 1815 г. вопрос, как себя идентифицировать по отношению к Наполеону Бонапарту, а потом его памяти, был весьма неоднозначным. За исключением периода Реставрации власти, как правило, принимали то, что им импонировало в его наследи, отказываясь от всего неподходящего.

Режим Реставрации (1814–1830 гг.) наполеоновское наследие отрицал, он и возник как его антитеза, хотя культ начал формироваться именно тогда. Точнее, параллельно происходило формирование двух легенд, «черной»¹⁴ и «золотой». Если «золотая легенда», о которой речь впереди, формировалась тайно, подпольно, то «черная» развивалась вполне легально, ведь Бурбонам нужно было укрепить свою власть, противопоставив себя Наполеону. С первого момент Ста дней, начиная с высадки Наполеона в заливе Жуан, во французской прессе и публицистике употребляются такие эпитеты, как «корсиканский ячмень», «роковой чужеземец», «узурпатор», «молох»¹⁵.

У истоков «черной легенды», или «антимифа», стояли литераторы, властители дум, занимавшие два фланга либеральной мысли: с одной стороны, это Ф. Р. де Шатобриан (его относят к «аристократическому либерализму»), с другой — Бенжамен Констан, принадлежавший к группе так называемых «независимых», т.е. либералов более левого толка (работа «Дух завоевания и узурпации в контексте европейской цивилизации»).

Весьма символично, что имя Шатобриана было связано с формированием как «черной», так и «золотой» легенд. Читатели «Замогильных записок», опубликованных в 1848 г., вероятно, были весьма удивлены эволюцией образа Наполеона у прославленного писателя. В «Замогильных записках» мы видим восхваление нового Александра; в работе «Бонапарт и Бурбоны» — жесткую критику «ошибок глупца» и «преступника».

Уже на следующий день после капитуляции Парижа, 31 марта 1814 г., парижане могли прочитать на афишах: «“Бонапарт, Бурбоны и необходимость присоединиться к нашим легитимным принцам для счастья Франции и Европы” Ф. Р. де Шатобриана, автора “Гения христианства”. Эта работа появится завтра, или послезавтра»¹⁶. Существует легенда, будто Людовик XVIII признавал, что эта брошюра была ему более полезна, чем сотысячная армия¹⁷.

В предисловии к своей работе Шатобриан подчеркивал, что благодаря Провидению Франция не погибла: «Нет, я вовсе не считаю, что пишу на могиле Франции. На смену дням мести придет день милосердия. Античное отечество христианнейших королей не может быть уничтожено: оно отнюдь не погибло, римское королевство восстановит из руин»¹⁸. По его словам, только Провидением можно объяснить тот факт, что не прошло и 15 месяцев, как Наполеон был в Москве, а теперь русские вступили в Париж. Он сравнивал империю Наполеона с морским прибоем, который сначала захлестнул Европу, а потом резко отхлынул назад¹⁹.

На следующий день после отречения Наполеона Францию охватило чувство облегчения и свободы. Мир, достигнутый ценой поражения, означал и конец военной службы. Граф д'Артуа, раньше своего брата, короля Людовика XVIII, вернувшийся во Францию, повсюду заявлял: «Нет больше военного призыва!». Наполеону

¹⁴ О «черной легенде» см., например: *Tulard J. L'Anti-Napoléon: la légende noire de l'Empereur.* Paris, 1965.

¹⁵ *Pagé S. Op. cit.*, p. 36.

¹⁶ *Chateaubriand F.-R. de. Buonaparte et des Bourbons.* Paris, 2004, p. 5.

¹⁷ *Ibid.*, p. 6.

¹⁸ *Ibid.*, p. 15.

¹⁹ *Ibid.*, p. 15–16.

приписывали ужасные слова: «Я могу пустить 300 тыс. человек в расход». О военном наборе говорили как о «пушечном мясе» и утверждали, что Наполеон расходовал «цвет нации». Действительно, статья 12 Конституционной хартии, октроированной 4 июня 1814 г., упразднила набор, который Наполеон во время Ста дней не рискнул восстановить²⁰.

Во Франции появляются антинаполеоновские памфлеты, на которые правительство смотрело не без удовольствия. Одни авторы видели в Наполеоне «корсиканский ячмень», другие его разоблачали как Аполлона, сравнивая с Апокалипсисом св. Иоанна. Ж.-Ж. Лакретель, прозванный младшим, брат бывшего депутата группы фейянов, обратил в недостатки все достоинства Наполеона, будто вывернул наизнанку его одежды: он отказывался видеть в императоре талантливого военного деятеля, ему, по его словам, не хватало блеска, его деятельность была бесцельной, он был лишен проницательности²¹.

В книгах распространялись самые абсурдные домыслы: якобы Бонапарт вел итальянскую кампанию с войском, состоявшим из каторжан, набранных из банд Тулона; якобы он предложил Людовику XVIII сделку — он обеспечит ему трон, если тот устроит ему брак с дочерью Людовика XVI. Автором одного из самых удивительных памфлетов был аббат Доминик Дюфур де Прадт, которого Наполеон сделал последовательно епископом Пуатье, архиепископом Малинским, посланником в Великом герцогстве Варшавском. Он писал: «Его гений одновременно годился и для мировых подмошток, и для сцены балагана; он носил королевскую мантию, накинутую на костюм арлекина... Изошренный софист, способный кардинально менять позицию, он был сделан совсем из другого теста, нежели обычные люди. Добавьте к этому головокружение от успехов, привычку пить из кубка победы, приходиться в состояние опьянения от ладана вселенной, и вы поймете его сущность»²².

По мнению Ж. Демужена, «наполеоновская легенда» приняла очертания и получила распространение благодаря двум категориям французов, имевшим на императорскую эпопею весьма разные точки зрения: это ветераны Великой армии и незапятнанная молодежь, которая, согласно формуле Альфреда де Виньи, «всегда имела перед глазами обнаженную шпагу и ждала момента, когда Франция вновь вложит ее в ножны Бурбонов»²³.

Именно солдаты и офицеры Великой армии стали главными творцами «золотой легенды». В конце наполеоновских войн насчитывалось примерно 1,1 млн солдат, вернувшихся во Францию. Приверженцами Наполеона были прежде всего сельские жители, ремесленники, рабочие, а также мелкие буржуа. С установлением режима Реставрации демобилизованные солдаты оказались в положении маргиналов; жертвы экономической стагнации, без работы и всяких жизненных перспектив. Их нынешняя безрадостная жизнь так контрастировала с той жизнью и тем миром, которые они узнали благодаря Наполеону²⁴. Во время «белого террора» летом и осенью 1815 г. наполеоновские ветераны преследовались, были даже случаи убийств. По мере того, как роялистский режим укреплял свою власть, враждебность его по отношению к ветеранам только усиливалась. Причина была проста: как сообщал один местный чиновник

²⁰ *Demougin J.* Op. cit., p. 6.

²¹ *Ibid.*, p. 8.

²² *Ibidem.*

²³ *Vigny A. de.* Servitude et grandeur militaire. Paris, 1835, p. 9.

²⁴ Точнее, «золотая легенда» начала формироваться уже самим Наполеоном. При его жизни ее создавали, как писал крупнейший современный наполеоновед Жан Тюлар, газеты во время Итальянского похода. Легенда расцвела вместе с официальным культом императора, навязанным имперским катехизисом, с праздниками Святого Наполеона и бесчисленными Днями благодарения. Но окончательно она сложилась лишь после 1815 г. См.: *Тюлар Ж.* Наполеон, или миф о «спасителе». М., 2012, с. 344.

в 1821 г., самая активная поддержка наполеоновскому делу провозглашалась «жителями деревень и бывшими солдатами»²⁵.

В маленьких провинциальных городках и деревнях легенда создавалась благодаря бесконечным рассказам солдат, следовавших за Наполеоном по дорогам и полям сражений Европы. Некоторые из них были связаны с Наполеоном на протяжении четверти века его кампаний. Воспоминания о 1793—1794 гг. перемешивались с воспоминаниями об Аустерлице, Йене, превращая скучную и тягостную солдатскую жизнь в невероятную авантюру. Крестьяне, никогда не покидавшие пределов своих деревень, увидели Европу от Лиссабона до Фридрихсбурга и Москвы, воодушевленные энергией одного единственного человека, требовавшего от них невозможного, и откликавшиеся на его призывы с открытым сердцем. Когда они вспоминали о своих невероятных страданиях и победах, благодаря которым они побывали во всех европейских столицах, они видели в этой эпопее и в их повелителе нечто сверхъестественное. От этих рассказов у очарованной аудитории просто захватывало дух, о чем прекрасно написал Бальзак в своем «Сельском враче».

Эти ветераны, «старые обломки» или «мусор», как их называли, стали весьма уважаемыми персонами в своих местностях. Учителя, ремесленники, владельцы харчевен или мелкие земельные собственники постепенно, с большим или меньшим успехом, реинтегрировались в гражданское общество²⁶.

Если выделять этапы развития «наполеоновской легенды», то в годы Реставрации она формировалась в виде «народного бонапартизма». По словам французского историка Б. Менаже, автора книги «Наполеон народов», «народный бонапартизм» появился на следующий день после Ватерлоо. Забыв войны империи и усталость от них, французы в большинстве своем не симпатизировали королю, прибывшему в «иностранный фургон» с целью реставрации, по их мнению, Старого порядка. Наполеон казался тогда спасителем и наследником Французской революции. «Народный бонапартизм» при Реставрации был идейно близок к левому политическому флангу. Как полагает Менаже, бонапартизм — иррационален; отказ допустить смерть Наполеона — это тоже пример иррациональности²⁷. Как пишет Анни Журдан, многие солдаты не желали верить в его смерть, полагая, что он скрывается в Испании, Соединенных Штатах или Италии. Префект Верхней Марны доносил, что жители деревень и маленьких городков говорили, что они не поверили бы в смерть Наполеона, если бы газеты об этом не сообщили, а когда новость об этом появилась, они утверждали, что ее сфабриковали враги Бонапарта и что, если это все-таки правда, его убили англичане или французское правительство²⁸. У Бальзака старый солдат был уверен, что Наполеон не умер на Святой Елене: «Он живет этим воспоминанием и надеждой на возвращение Наполеона, никто не убедит его в том, что император умер; он уверен, что Наполеон томится в плену по милости англичан»²⁹.

Само известие о смерти Наполеона в целом не потрясло французское общество. В Париж новость пришла 7 июля 1821 г. и была анонсирована в «Журналь де Деба». Тон задавал Шарль-Морис Талейран, заявивший, что это больше не событие, а просто новость. Парижская газета «Молния», преимущественно делавшая обзоры литературы, спектаклей и событий в мире искусств, 20 июля писала: «Его естественная смерть была такой же обычной новостью, как и любая другая. Об этом поговорили дня два-три, как о дожде или хорошей погоде. Сегодня об этом уже не думают»³⁰. Англичане, находившиеся в Париже, были удивлены, что сообщение о смерти Наполеона

²⁵ Hazareesingh S. Op. cit., p. 289—290.

²⁶ Poisson G. Op. cit., p. 59.

²⁷ Ménager B. Les Napoléon du peuple. Paris, 1988, p. 355.

²⁸ Jourdan A. Mythes et légendes de Napoleon. Paris, 2004, p. 55.

²⁹ Бальзак О. де. Сельский врач. — Собр. соч., в 10-ти т., т. 8. М., 1995, т. с. 489.

³⁰ La Foudre, 20.VII.1821.

было воспринято столь холодно: «Новость о смерти императора Мадагаскара была бы встречена с тем же безразличием». При дворе Людовика XVIII только генерал Рапп, адъютант императора Наполеона, выразил некоторое волнение. Императрица Мария-Луиза, жившая в Парме, узнала о смерти своего мужа из «Пьемонтского журнала». Она объявила о трехмесячном трауре в своем principate и заказала мессу в память о Наполеоне. «Хотя у меня никогда не было подлинного чувства по отношению к нему, — писала она одной из своих подруг, — я не могу забыть, что он отец моего сына и что далекий от того, чтобы плохо со мной обращаться, как об этом думали, он всегда меня уважал, а это единственное, на что можно рассчитывать в политическом браке»³¹. Сыну Наполеона, Римскому королю, герцогу Рейхштадтскому, проживавшему в Вене вдали от своей матери, о смерти Наполеона сообщил его гувернер капитан Форести, и мальчик оплакивал отца в одиночестве. Парадоксально, но у англичан, заклятых врагов Наполеона, эмоции были более живыми. Французский поверенный в делах в Лондоне, граф Луи Шарль Виктор де Караман, доносил министру иностранных дел Этьенну Дени Паскье, что лондонцы, увидев афиши, извещавшие о смерти Наполеона, решили носить траур, отдавая дань таланту и смелости их врага³².

В Париже лишь маленькая бонапартистская газета ограничилась осторожной ремаркой: «Не всегда жизнь великих людей заканчивается их естественной смертью. Судьба Наполеона была predetermined задолго до 5 мая 1821 г. на равнинах Ватерлоо. В любом случае, его посмертная слава еще не настала, и мы даже сомневаемся, что сейчас это время пришло». Самые наблюдательные парижане, такие как Шарль де Ремюза, сын одного из приближенных Наполеона, тоже пребывали в некоторой растерянности: «Кроме моей бедной матери, проплакавшей весь день... это событие почти не произвело впечатления на мое окружение ...ни мои друзья, ни я сам не думали, что произошло важное событие, и, может быть, нам казалось, что завершение этой эпопеи наконец избавит нас от ее героя. Из этого ничего не вышло. Эта смерть в скалах острова, затерянного в океане, была поэтической»³³. Но эта поэтика тоже будет служить его легенде. Спустя почти 20 лет Александр Дюма напишет о Наполеоне на Святой Елене: «Наполеон ступил на скалу, которую ему предстояло превратить в пьедестал»³⁴.

«Золотая легенда» получила мощный импульс после публикации в 1823 г. «Мемориала Святой Елены». Как отмечает Пуассон, «Мемориал Святой Елены» — это ключевой момент в истории «наполеоновской легенды». Напомним, что «Мемориал Святой Елены» — это журнал, в котором записывалось день за днем все, что говорил Наполеон на протяжении 18 месяцев, с 20 июня 1815 по 25 ноября 1816 г. Записи вел приближенный Наполеона Эммануэль Огюстен де Лас Каз. Впервые книга была опубликована в восьми томах. Потом были другие многочисленные публикации: в 1841 г. — у издателя Бурдена в 26 томах, иллюстрированных 500 виньетками Шарле. Работа имела большой успех у издателей на протяжении всего XIX в. и была в сердце «наполеоновской легенды». Лас Каз был идеальным секретарем, очень точным и внимательным³⁵.

При Реставрации «золотая легенда» формируется тайно, ведь за приверженность идеям Наполеона можно было угодить в тюрьму. Ветераны регулярно собирались для празднования важных дат империи (2 декабря — день провозглашения империи; 15 августа — день рождения Наполеона; 5 мая — день его смерти)³⁶. В Париже излюбленным местом встреч офицеров, отправленных в отставку после второй Реставрации, было кафе «Ламблен». Широкая красная лента в бутоньерке, длинный истертый редингот,

³¹ *Demougin J.* Op. cit., p. 12.

³² *Ibid.*, p. 12.

³³ *Ibidem.*

³⁴ *Дюма А.* Наполеон. СПб., 2012, с. 159. Книга вышла в начале 1840 г., а 15 декабря того же года в Париж со Святой Елены были доставлены останки Наполеона.

³⁵ *Poisson G.* Op. cit., p. 55–56.

³⁶ *Ibid.*, p. 59.

трость, сапоги, высокая шляпа с широкими полями, воинственные усы — таков типаж офицеров, именуемых «военной богемой». Забывшие о ранах и голоде, об усталости от непрерывной войны, они предавались воспоминаниям, очаровывая своих собеседников³⁷. Этим бывшим военным были свойственны как раздражение против аристократов и клерикалов, ассоциировавшихся с роялистами, так и «коммеморативная жестокость», а именно сохранение памяти о наиболее воинственных аспектах наполеоновской эры. Для них «наполеоновская легенда» была связана почти исключительно с военной славой³⁸.

Эти офицеры были политически неблагонадежны, поэтому находились под наблюдением полиции; за ними охотились доносчики, сообщавшие в префектуру полиции о заговорах. Они были активными участниками многочисленных заговоров, как, например, заговора «Базар франсе», устроенного в августе 1819 г. лейтенант-полковником Мазио. По словам Демужена, именно эти ветераны стали подлинными «священниками» императорского культа и пророками возвращения Орла или Орленка (сына Наполеона)³⁹.

Императорский культ проявлялся и в повседневной жизни. Он начинался буквально с колыбели. Значительное число родителей по всей Франции, прежде всего бывшие солдаты Великой армии, крестили своих детей Наполеонами, или, по крайней мере, пытались это сделать, ведь дело было рискованным, особенно в первые годы Реставрации. В 1816 г. два ремесленника из Бове были арестованы за то, что хотели назвать своих сыновей именами Поль-Жозеф-Бонапарт и Луи-Анри-Наполеон. В Нанте в 1819 г. некий печатник Манжен оказался в непростой ситуации, желая назвать своего новорожденного сына Виктором-Эме-Эженом-Наполеоном. Один медик крестил свою дочь Марией-Луизой-Наполеонидой, а один крестьянин заявил в таверне, что он назвал своего сына Наполеоном, поскольку император царствовал и еще будет царствовать. Ему было невдомек, что тот умер три года назад⁴⁰.

Имя Наполеона было повсюду. Среди детей была популярна игра-маскарад, когда «солдаты» в римских одеждах короновали маленького мальчика королем — это была аллегория с сыном Наполеона, Римским королем. Для детей изготавливали специальные статуэтки Наполеона, в том числе сладкие. В 1817 г. один кондитер был арестован за то, что продавал такие сладости. А кондитер из Руана в честь нового 1825 года изготовил маленькие шоколадные и леденцовые фигурки Наполеона. Но множество сладостей поменьше и подешевле продавались целый год⁴¹.

Для взрослых аксессуары были самыми разнообразными. Дома буржуа наполнялись чашками и супницами, хрустальными вазами с изображением Наполеона. Самые убежденные фетишисты могли обедать в кафе, где посуда была украшена наполеоновской символикой. Символы присутствовали и в одежде: изображения Наполеона на платках, брюках, шелковых галстуках; буква «N», иногда и с орлом, изображалась на шарфах с тем расчетом, чтобы ее было видно. Когда о смерти императора стало известно во Франции, некоторые из молодых лионцев надели траур — очень дорогие черные шелковые жилеты. Такие жилеты продавались в бутиках вплоть до лета 1823 г.

Буржуазный культ был связан с прославлением маскулинности, мужских удовольствий и добродетелей. Для кожи использовались духи «Вода герцога Рейхштадтского», для волос — гель «Либеральное масло». Эти два продукта были в каждом французском департаменте в первые десять лет Реставрации⁴².

Некоторые цветы символизировали связь с Наполеоном — фиалки и ромашки в бутоньерках. В Париже все подпольные влиятельные бонапартисты носили фиалки

³⁷ Demougín J. Op. cit., p. 15–16.

³⁸ Hazareesingh S. Op. cit., p. 291.

³⁹ Demougín J. Op. cit., p. 16.

⁴⁰ Hazareesingh S. Op. cit., p. 111.

⁴¹ Ibid., p. 112–113.

⁴² Ibid., p. 110–114.

или красную гвоздику на своих головных уборах. Летом 1815 г. происходили даже многочисленные столкновения в различных кварталах Парижа между носителями гвоздик и их противниками-роялистами. Порой этих «цветочных бонапартистов» арестовывали⁴³.

Бонапартистские вещицы, используемые простым народом, были менее изящными. В ходу были черные броши и кольца с изображением Наполеона. Префект Жиронды отмечал, что такие кольца носили только представители народа. Изготавливалось большое количество пуговиц для рубашек и жилетов. В Лионе был обычай дарить такие вещи как подарок по случаю дня рождения Наполеона. Была выпущена серия ножей с императорской символикой. Наибольшей популярностью пользовались «именные» табак и алкоголь. Например, продавался ликер «Ватерлоо»; в Лионе можно было приобрести ликер «Эликсир Святой Елены», запрещенный местной полицией в 1820 г. После смерти Наполеона некоторые марки стали называть именем его сына. В конце 1820-х во многих регионах Франции продавался «Эликсир герцога Рейхштадтского». Полиция изымала такие бутылки⁴⁴. При этом существовала большая разница между буржуазной эстетикой, чувственной и гедонистской, и народной, которая могла перейти в физическую жестокость, что порой случалось в питейных заведениях, особенно после употребления изрядной дозы вышеупомянутых напитков.

Если буржуа носили по случаю траура жилеты, то народ — табакерки с изображением Наполеона. Порой эти табакерки были с секретом: портрет изображали внутри или табакерка имела двойное дно. В это вкладывали такой смысл: император был в основе всего. Подобные вещицы, особенно в первые годы Реставрации, были еще и знаком протеста против власти Бурбонов. Поскольку, как уже отмечалось, почитатели Наполеона часто вовлекались в различные антиправительственные акции, это было одной из причин, по которой власть враждебно относилась к предметам наполеоновского культа, используемым народом⁴⁵.

* * *

После Июльской революции 1830 г. и установления власти короля Луи-Филиппа Орлеанского начинается новый этап развития «наполеоновской легенды». Из тайного культа она становится частью государственной идеологии. Именно в это время «народный бонапартизм» уступает место наполеоновскому культу и императорской легенде. Именно при Июльской монархии формируется официальная «наполеоновская легенда».

Король Луи-Филипп Орлеанский, вступивший на престол в ходе Июльской революции 1830 г., оказался в весьма непростой ситуации относительно наполеоновского наследия⁴⁶. С одной стороны, его самым горячим желанием было стать равным европейским государям, заставить их забыть о революционном происхождении его власти. С другой — для укрепления режима ему нужна была массовая поддержка внутри страны, охваченной реваншистским жаром. Июльская революция растеребила незаживающую национальную рану, нанесенную Францией в 1814—1815 гг. и зафиксированную решениями ненавистных французам Венских соглашений. Как отмечал французский исследователь Ф. Дарриула, «Революция 1789 г., прерванная Ватерлоо, возобновила свой ход и никто не сомневался, что этот поток готов все смести на своем пути»⁴⁷. Однако широкомасштабные акции были для Луи-Филиппа неприемлемыми: с момента вступления на престол он заявил о своем намерении действовать в рамках

⁴³ Ibid., p. 114—115.

⁴⁴ Ibid., p. 116—118.

⁴⁵ Ibid., p. 119—121.

⁴⁶ См. об этом: *Таньшина Н. П.* «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии. — *Новая и новейшая история*, 2016, № 5, с. 26—44.

⁴⁷ *Darriulat Ph.* Les patriotes. La gauche républicaine et la nation. 1830—1870. Paris, 2001, p. 55.

«европейского концерта», что предусматривало проведение компромиссного и миролюбивого внешнеполитического курса.

Между тем Июльская революция не только актуализировала идею реванша, но и продемонстрировала силу наполеоновского мифа в массовом сознании французов. Более того, после «Трех славных дней» многие сожалели, что на престол взошел не «сын великого Наполеона», а Луи-Филипп⁴⁸. Генрих Гейне, в 1830—1840-е годы проживавший в Париже, писал: «За пределами Франции не имеют никакого представления о том, как еще сильно привязан к Наполеону французский народ. ...Наполеон — это для французов магическое слово, которое электризует и оглушает их»⁴⁹. Действительно, в эти годы наполеоновская лихорадка охватила все слои общества и все поколения.

В результате Луи-Филипп решил использовать народную страсть для укрепления собственного режима. Прекрасно чувствовавший, по крайней мере в эти годы, ситуацию, он понимал, что, легитимизируя Наполеона, он тем самым мог легитимизировать свою власть, основанную на баррикадах. В 1837 г. Луи-Филипп превращает Версаль в национальный музей, создав там Галерею славы, где в живописных полотнах были запечатлены и битвы империи. В 1840 г. осторожная Июльская монархия возвращает «прах» императора, как бы подтвердив воинственные и революционные нравы наполеоновской традиции. Более миллиона человек пришли на церемонию перезахоронения останков 15 декабря 1840 г. В этом же году в честь возвращения праха Наполеона были выпущены многочисленные памятные медали⁵⁰.

Луи-Филипп, сам того не желая, разбудил бонапартистов, свидетельством чего являлись пусть и неудачные попытки переворотов, предпринятые племянником императора, принцем Луи-Наполеоном, в 1836 и 1840 гг. в Страсбурге и Булони. Несмотря на то, что популярность имени Наполеона и «наполеоновская легенда» не означали популярности бонапартизма как политического течения, в 1848 г. легенда и имя Наполеона были использованы бонапартистами, чтобы избрать их кандидата, Луи-Наполеона, президентом республики. Государственный переворот 2 декабря 1851 г. и конфискация имущества Орлеанов породили каламбуры: «le seconde en pire» (второй хуже) и «le premier vol de l'aigle» (первый полет орла)⁵¹. В первом случае «вторая империя» и «второй хуже» звучат одинаково; во втором случае слово «vol», — это не только «полет», но и «кража».

Ровно год спустя, 2 декабря 1852 г., была восстановлена империя. Культ Наполеона в годы Второй империи приобретает вычурные формы. Самый яркий пример — это картина «Апофеоз Наполеона I», написанная Жаном Огюстом Домиником Энгром в 1853 г. для потолка императорского салона в парижской ратуше. Картина погибла в мае 1871 г. во время пожара в здании. В 1854 г. Наполеон инициировал публикацию переписки своего дяди, исключив документы, которые могли спровоцировать полемику.

В конце 1840-х — начале 1850-х годов ветераны еще были среди самых активных сторонников «наполеоновской легенды». Их культура не ограничивалась частной сферой: во время выборов 1848 г. многие кандидаты вписывали в свои программы заслуги своих отцов в наполеоновских кампаниях⁵². Хотя далеко не все ветераны были бонапартистами, большинство из них не являлись противниками Второй империи. В 1857 г. Наполеон III их отблагодарил, выпустив медаль Святой Елены. Она полагалась всем ветеранам войн Революции и империи, сражавшимся под французскими знаменами между 1792 и 1815 гг., не важно, были ли они французами или иностранцами. Эта бронзовая медаль должна была носиться в бутоньерке с зеленой и красной

⁴⁸ Hazareesingh S. Op. cit., p. 132.

⁴⁹ Гейне Г. Собр. соч., в 6-ти т. М., 1982—1983, т. 4, с. 37.

⁵⁰ Poisson G. Op. cit., p. 62.

⁵¹ Mauduit X. Op. cit., p. 270.

⁵² Hazareesingh S. Op. cit., p. 294.

лентами. В 1857 г. за медалью пришло 390 тыс. человек — весьма большая цифра, объясняемая юностью солдат в конце режима наполеоновской империи⁵³.

Как и при Июльской монархии, память о Наполеоне соотносилась с нуждами дня. В 1869 г. Наполеон III, опасаясь, как бы слишком грандиозное празднование 100-летнего юбилея со дня рождения его дяди не затмило его собственную звезду, устроил весьма скромные торжества. Еще одной причиной того, что празднование прошло без ожидаемой помпы, была либерализация политики Наполеона III. В целом, по словам Модюи, политический опыт Второй империи, «цезаризм под прикрытием бонапартизма», ограничивал Наполеона легендой⁵⁴.

С установлением Третьей республики память о Наполеоне приобретает иной характер. Республика апеллировала к «народному императору» для подъема национального духа и возрождения воспоминаний о национальной славе после поражения во франко-германской войне 1870—1871 гг.⁵⁵ Молодые французы должны стать солдатами реванша. Реваншистский дух 1870-х годов дал новый импульс культу Наполеона, даже если бонапартистской пропаганде не удалось смыть пятно поражения Наполеона III при Седане, как это было сделано в случае с Ватерлоо.

Как и предыдущие режимы, республика приспособливает к своим задачам легендарные страницы императорской эпопеи и использует образ Наполеона в качестве «архетипа спасителя», говоря словами известного наполеоноведа Жана Тюлара⁵⁶. Наполеон — национальный герой. Он восстановил порядок после революционного хаоса; администратор, защитник власти, он создал учреждения, используемые на протяжении всего XIX в. Он воплощает величие Франции, поэтому универсален. В 1900 г. Эдмон Ростан (1868—1918) своей драмой «Орленок», императорской саге в шести действиях, получившей широкое признание критики, придал новый импульс легенде.

Что касается ветеранов, то в 1901 г. один французский журналист отправился в Варшаву, где в возрасте 106 лет жил последний участник наполеоновских войн, Венсен Маркиевич. Он действовал в наполеоновских кампаниях с 1811 г., был в России, участвовал в Бородинском сражении, Лейпцигской битве, был награжден орденом Почетного легиона, был в свите Наполеона на Святой Елене, а после его смерти вернулся в Европу, служил в русской армии в Царстве Польском в 1820-е, потом 10 лет обитал во Франции, где участвовал в бонапартистских заговорах. Потом была Венгрия, Османская империя и армия Джузеппе Гарибальди. По словам Хазарисингха, было весьма символично то, что последний живой свидетель и участник императорской военной эпопеи был поляком. Это, по мнению историка, является доказательством не только универсализма «наполеоновской легенды», но и свидетельством идеологической трансформации Европы после 1815 г., а именно распространения идей свободы и национального освобождения на весь континент⁵⁷.

Легенда затихла к концу века вместе со смертью последних ветеранов. Но с этого момента память о Наполеоне была инкорпорирована в политическую культуру французского государства, и республиканцы не могли ее не использовать⁵⁸. Начиная с Адольфа Тьера свидетельства современников уступают место работам историков, хотя императорская мифология затрудняет объективное изучение Наполеона. Университет очень осторожно приобщается к этой проблематике посредством работы

⁵³ *Poisson G.* Op. cit., p. 60.

⁵⁴ *Mauduit X.* Op. cit., p. 271.

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ По словам Тюлара, «Наполеон открыл путь Кавеньяку, Луи-Наполеону Бонапарту, Тьеру, Петену, де Голлю... Наполеон является архетипом этих спасителей, которые расставляли вехи в истории Франции до XIX и XX вв.» — *Тюлар Ж.* Указ. соч., с. 350.

⁵⁷ *Hazareesingh S.* Op. cit., p. 317—318.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 323.

Альфонса Олара «Наполеон и университетская монополия», опубликованной в 1911 г. В целом в историографии империи еще доминирует жанр биографии.

Как и прежде, Третья республика организовывала официальные памятные мероприятия, адаптируя наследие Наполеона к потребностям дня. Однако, по словам Хазарисингха, в 1904 г., в год 100-летнего юбилея империи, республика, возглавляемая радикал-социалистами, предпочла воспоминаниям о Наполеоне «сердечное согласие» с Великобританией. Но она изменила свой взгляд на него после окончания Первой мировой войны в ходе празднования 100-летнего юбилея со дня смерти Бонапарта, черпая в героической наполеоновской эре воспоминания для освящения жертв французов во время войны⁵⁹. В 1921 г. была выпущена медаль по поводу 100-летия смерти императора, в последующие годы медали не выпускались; мода на них возродится только в 1950-е годы⁶⁰.

100-летие смерти Наполеона было отмечено не только многочисленными публикациями. Режиссер Абель Ганс (настоящее имя — Эжен Александр Перетон), один из родоначальников французского кино, решает создать фильм о Наполеоне⁶¹. При этом он интересовался генералом Бонапартом больше, чем императором Наполеоном. Генерал — это продолжатель Революции, крайности которой он отвергал; это харизматичный супергерой, восстановивший порядок и установивший сильную власть. Немой фильм «Наполеон» вышел на экраны в 1927 г., а в 1935 г. Ганс сделал звуковой вариант фильма.

С возникновением тоталитарных режимов в XX в. появляется новый взгляд на Наполеона. Джордж Оруэлл в «Скотском хозяйстве» выводит образ Наполеона-бобра, устанавливающего тоталитарный порядок, т.е. вписывает Наполеона в семью диктаторов XX в.

В 1927 г., когда на экраны вышел фильм Абея Ганса, немецкий публицист Вернер Хегеман констатировал, что немцы очарованы Наполеоном. Неудивительно, что Наполеон как образец сильной личности был взят на вооружение идеологами фашизма и национализма. При этом у немцев Наполеон вызывал двойственные чувства: не только притяжение и очарование, но и ненависть. Наполеон — великий человек, объединивший свой народ, но нанеший поражения немцам и итальянцам. Но немцы его победили, и эта победа способствовала их национальному единению. В период между двумя мировыми войнами победа над Наполеоном в 1815 г. напоминала, что реванш над Францией за поражение в Первой мировой войне был возможен⁶².

С конца 1920-х годов начинают выходить сравнительные биографии Наполеона и Гитлера⁶³. В 1941 г. Филипп Бюлер, шеф партийной канцелярии, написал биографию Наполеона «Гениальный Наполеон — светящийся след кометы», в которой Гитлер рассматривался как его продолжатель. Однако вскоре книгу пришлось изъять из продажи по причине напрашивавшихся нежелательных параллелей: бесславное отступление Наполеона из России и роковое поражение Германии⁶⁴. В целом же справедливо замечание Тьерри Ленца, что такие сравнения просто некорректны⁶⁵. Как пишет Журдан, порой авторы таких работ доходят до абсурда в своих сравнениях: оба были иностранцами в своих странах; оба были небольшого роста (Модюи в заключении своей книги специально посвятил этому вопросу отдельный пассаж, отметив, что

⁵⁹ Ibid., p. 13.

⁶⁰ Poisson G. Op. cit., p. 62.

⁶¹ В 1897 г. братья Люмьер сняли «Свидание Наполеона и папы», открывшее непрерывный цикл фильмов о Наполеоне, из которых фильм А. Ганса стал самым известным.

⁶² Mauduit X. Op. cit., p. 275.

⁶³ Одна из последних работ: Seward D. Napoleon and Hitler: a comparative biography. London, 1988.

⁶⁴ Вopонаев С. Энциклопедия Третьего рейха. М., 2005, p. 95.

⁶⁵ Mauduit X. Op. cit., p. 276.

рост Наполеона, 168 см, был средним для того времени⁶⁶); у обоих был холерический темперамент; как и Гитлер, Бонапарт не выносил противоречий и подчинил мир железом и кровью⁶⁷.

Поражение Франции в 1940 г. совпало со 100-летием перемещения останков Наполеона со Святой Елены. Нацисты использовали этот юбилей, чтобы организовать возвращение в Париж останков Орленка, погребенного в Вене⁶⁸. Как в свое время Луи-Филипп, Гитлер тоже хотел совершить этот символический акт, дабы польстить самолюбию французов. Однако, как и Луи-Филиппу, ему это не особенно помогло. В условиях оккупации и поражения память о наполеонидах больше не прельщала французов. В народе говорили: «Вместо угля нам привезли пепел» (имелся в виду уголь для отопления, что было особенно актуально в условиях зимы); «Нам вернули мертвого узника вместо узников живых»⁶⁹.

В целом, между 1940-м и 1958 г. французские власти регулярно использовали образ Наполеона-спасителя, дабы помочь французам пережить тяжелые моменты их истории. Режим Виши и маршал Петен проводили аналогии с 1799 г.: тогда Бонапарт положил конец Первой республике, чтобы спасти Францию. Маршал Петен положил конец Третьей республике, чтобы облегчить положение Франции, оккупированной немцами⁷⁰.

После окончания Второй мировой войны генерал Шарль де Голль не замедлил использовать в своих целях образ Наполеона. В работах довоенного периода, посвященных военным проблемам, генерал неоднократно цитировал Наполеона, даже восхищался Наполеоном-военным, но сохранял дистанцию по отношению к Наполеону-императору⁷¹.

По мнению Керна, в 1960-е годы Наполеон постоянно страдал от конкуренции генерала де Голля, ставшего тогда национальным героем Франции. Опросы, проведенные в 2005 г. французским телевидением, показали, что французы оценивали де Голля как «человека века» и «самого великого француза всех времен». Однако, по словам Керна, популярность де Голля распространялась и на Наполеона, пусть временно и потесненного с пьедестала⁷². Между ними есть много общего, как есть много общего между голлистской сагой и императорской легендой. Это несомненная важность внешней политики для обоих глав государств; это внутренние реформы, проводимые Первым консулом, а потом и генералом де Голлем (между 1958 и 1969 г.). Идея национального величия, столь дорогая сердцу генерала де Голля, в начале XIX в. была воплощена Наполеоном в жизнь так, как никогда ни до, ни после в истории Франции. Опять-таки оба являются «спасителями» Франции, есть и дата «спасения нации»: 1799 г. у Наполеона и 1940 г. у де Голля. Сближает их и историческая память. Несмотря на неоднозначное отношение властей к Наполеону, «наполеоновская легенда» жива до сих пор. Голлизм, по сути, сошел со сцены, но политические элиты продолжают его мифологизировать и идеализировать⁷³.

Хазарисингх, сравнивая Наполеона и де Голля, отмечает, что, несмотря на несомненную общность их идей, между ними было и много различного. Один любил, даже слишком, войну; другой ее ненавидел; один — циник с очень пессимистичным взглядом на природу человека, другой — глубоко религиозный человек. Очень по-разному их воспринимают французы. Если генерал вызывает восхищение

⁶⁶ Ibid., p. 281.

⁶⁷ Jourdan A. Op. cit., p. 12.

⁶⁸ См. об этом: Poisson G. Le retour des cendres de l'Aiglon. Paris, 2006.

⁶⁹ Mauduit X. Op. cit., p. 267.

⁷⁰ Kern E. Op. cit., p. 91.

⁷¹ Ibid., p. 92.

⁷² Ibidem.

⁷³ Hazareesingh S. Op. cit., p. 326.

и уважение, то император — самые противоречивые чувства. Из воспоминаний сына де Голля, Филиппа, известно, что генерал часто думал о Наполеоне, говорил о нем со своими близкими. Особенно он видел в Наполеоне «отца современного французского государства»⁷⁴. Не случайно в историографии появился ряд сравнительных биографий Наполеона и Шарля де Голля. Последняя — Патриса Генифе, опубликованная в 2017 г.

Известный французский политик и интеллектуал, единомышленник де Голля, Андре Мальро, в книге «Сброшенные цепи» рассказывает, что в 1970 г., уже после отставки, генерал де Голль, рассматривая номер ежемесячника «*Journal de la France*» с портретом Наполеона на обложке, задал ему ставший знаменитым вопрос: «Что для вас значит император?» «Очень великий ум и очень маленькая душа», — ответил Мальро. Генерал на это возразил: «Для души у него не было времени»⁷⁵. По словам Керна, уже в этих словах прослеживается уважение де Голля к человеку, обеспечившему Франции «вечную славу», даже если в итоге он, скорее, ослабил ее. Наполеон не был любимым историческим деятелем де Голля, это так, но первый президент Пятой республики прежде всего военный, он не мог оставаться равнодушным к многочисленным военным победам Наполеона и к непреходящей славе, которой он покрыл Францию.

Что касается ошибок Наполеона, то де Голль полагал, что все великие люди их допускают. По его мнению, большая ошибка Наполеона заключалась в том, что «он не смог выбрать между генералиссимусом и императором»⁷⁶. В любом случае де Голль полагал, что Наполеон продолжал оставаться символом славы Франции во всем мире, а его ошибки и поражения не вредили его посмертному величию⁷⁷.

Наполеон оставался героем для французов все годы нахождения де Голля у власти. На его легенду работали учебники истории и историки, писатели и телевидение⁷⁸. Однако празднование 200-летнего юбилея со дня рождения Наполеона в 1969 г. пришлось уже на президентство Жоржа Помпиду. Ирония судьбы заключалась в том, что де Голль, этот новый национальный герой Франции, покинул Олимп власти в тот самый год, когда должны были вспоминать рождение другого героя, Наполеона!

«Год Наполеона» официально начался 28 апреля: это был одновременно день отставки де Голля и день, когда Наполеон на пакетботе «Франция» прибыл в порт Аяччо. Закончился юбилейный год церемонией перемещения останков Орленка в часовню Дома Инвалидов 19 декабря. В соответствии с пожеланиями де Голля правительство использовало все средства для прославления памяти победителя Аустерлица. В рамках «года Наполеона» было организовано 14 мероприятий в Париже, 26 — в Аяччо и множество мероприятий по всей территории Франции⁷⁹. В Париже и провинции проходили различные акции. Самым значительным из этих событий стало выступление президента Помпиду в Аяччо 15 августа, в день рождения Наполеона. Это было первое официальное путешествие Помпиду в должности президента республики, и он выбрал Корсику. Он произнес две речи; одну — в мэрии, вторую — на площади Шарля де Голля перед статуей Наполеона и его братьев.

Выступая на площади, Помпиду подчеркнул, что Наполеон восстановил национальное достоинство Франции и сыграл важную роль в создании европейского единства — это, как известно, два важнейших постулата голлизма. Как заявил президент, «за несколько лет, почти за несколько месяцев, Первый консул создал современное

⁷⁴ Ibid., p. 325.

⁷⁵ Malraux A. Les chenes qu'on abat. Paris, 1971, p. 102.

⁷⁶ Kern E. Op. cit., p. 93.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid., p. 93–94.

⁷⁹ Ibid., p. 94.

французское государство»⁸⁰. Наполеон для него — это не только человек Революции, но и человек порядка и государственной власти. Он сохранил принципы Революции: гражданскую свободу и равенство перед законом. Что касается отсутствия политической свободы, то Помпиду ответил словами Наполеона, записанными на Святой Елене: «Люди, упрекающие меня в том, что я не дал французам достаточно свободы, забывают, что в 1804 г., когда я надел на голову корону, 97 французов из 100 не умели читать и знали только свободу безумия»⁸¹.

Гений Наполеона, заявил Помпиду, «определяет нашу историю и предвосхищает будущее Европы. Это ему мы обязаны учреждениями, которые и сегодня, претерпев неизбежные изменения, составляют основу нашего государства. Это ему французы обязаны национальным единством... Наша слава принадлежит только Франции, и нет более славного имени, чем имя Наполеона. Выйдя из ниоткуда, преодолев все, он стал всем»⁸². И закончил словами Наполеона из акта об отречении 22 июня 1815 г.: «Объединитесь во имя общественного блага и во имя того, чтобы оставаться независимой нацией»⁸³.

В то же время наполеоновское наследие не во всем соотносилось с голлизмом. В частности, это касалось европейской политики Франции, активными сторонниками которой были Ж. Помпиду и в еще большей степени Валери Жискар д'Эстен. Апеллировать к памяти национального героя, завоевавшего Европу силой оружия, было затруднительно⁸⁴.

В целом, в последующие годы наблюдалось постепенное охлаждение властей к культу Наполеона. Но если французские элиты отказывались от наполеоновской истории, остальной мир продолжал преклоняться перед императором. Как отмечал Серж Барселлини, генеральный президент «*Souvenir Français*», когда Франсуа Миттеран 15 марта 1995 г. с большой помпой принимал Фиделя Кастро, тот захотел посетить могилу Наполеона в Соборе Инвалидов⁸⁵.

Следующая важная дата в цепи коммемораций — это растянувшиеся на 10 лет юбилейные мероприятия, связанные с Первой империей. Если в 1969 г. Помпиду четко показал, что есть ценного в наследии Наполеона, то на этот раз не было официального истолкования этого события. По словам Хазарисингха, именно в официальных коммеморациях нагляднее всего проявляется неоднозначность наполеоновского наследия. Наполеон, создавая новую династию, реставрировал монархический принцип, упраздненный республикой. 2 декабря, дата священная для императора, стала печально известной благодаря Луи-Наполеону в 1851 г. Следовательно, республиканцы были не особо воодушевлены празднованием годовщины, напомилавшей им их собственные поражения⁸⁶. По словам Модюи, республиканцы лишь скрепя сердце могли праздновать юбилей сильного политика, восстановившего монархию⁸⁷. Если известный французский политик Жан-Пьер Шевенман⁸⁸ приветствовал в Наполеоне создателя современного государства и одного из пылких проводников идеи нации, то французский историк Морис Агюлон, специалист по республиканским учреждениям

⁸⁰ Полный текст выступления Ж. Помпиду есть в книге: *Napoléon, de l'histoire à la légende: actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999, organisé par le Musée de l'armée, Hôtel national des Invalides*. Paris, 2000, p. 441.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibid., p. 443–444.

⁸³ Ibid., p. 444.

⁸⁴ Kern E. Op. cit., p. 94.

⁸⁵ Ibid., p. 7.

⁸⁶ Hazareesingh S. Op. cit., p. 13.

⁸⁷ Mauduit X. Op. cit., p. 279.

⁸⁸ Ж.-П. Шевенман — левый политик, один из основателей современной Социалистической партии, в 1984–1986 гг. министр образования, в 1988–1991 гг. министр обороны, в 1997–2000 гг. — министр внутренних дел.

и символикe, сохранял дистанцию, принимая императора как человека 1789 г. только условно и представляя его как ставленника контрреволюции⁸⁹.

Однако именно тогда была начата публикация полной 15-томной переписки Наполеона (последний том вышел в 2018 г.); появились многочисленные биографии, был опубликован «Неизданный журнал о возвращении праха» мамелюка Али⁹⁰. Появились книги Анни Журдан, Натали Петито и Реми Далисон⁹¹ о трансформации памяти и «наполеоновской легенде» в XIX в.

200-летний юбилей империи стал поводом для организации нескольких выставок, в том числе выставки в Лувре, посвященной картине Ж.-Л. Давида «Коронация Наполеона», а также экспозиции, посвященной пропаганде и «наполеоновской легенде», организованной в Историческом центре национальных архивов. Хазарисингх, посетивший выставку и полиставший книгу отзывов, был поражен тем, что Наполеон продолжал разделять французов. Одни сожалели о том, что глянцевая часть его легенды продолжала жить во Франции. Другие, напротив, полагали, что выставка об императоре могла вызвать критику его политического и военного наследия⁹². «Черная» и «золотая» легенды продолжают иметь своих адептов во Франции.

В последующих коммеморациях вновь проявилось неоднозначное восприятие наполеоновского наследия. В 2005 г. французское правительство не пожелало участвовать в праздновании 200-летия Аустерлица, ответило отказом на приглашение российского правительства во время празднования Бородинской битвы в сентябре 2012 г.

Французские историки с сожалением констатируют, что Первой империи уделяется все меньше внимания в школьных программах. По словам Модюи, несмотря на десятки тысяч томов, посвященных Первой империи, история Наполеона может быть резюмирована в нескольких строках. Например, в учебнике начальной школы 1950-х годов история Наполеона была построена на двух тезисах: «Генерал Бонапарт выиграл все битвы. Он этим воспользовался, чтобы стать императором». И далее: «История императора Наполеона окончилась плохо. Это происходит со всеми, кто подавляет свободу»⁹³. В другом учебнике содержится такое резюме: «Наполеон I, став императором в 1804 г., победил австрийцев, пруссаков, русских, но никогда не смог победить Англию. Но в итоге именно англичанам он и достался»⁹⁴.

Празднованием юбилея битвы при Ватерлоо, организованного с большим размахом в июне 2015 г., окончились коммеморации 200-летия Консульства и империи. Мероприятия, прошедшие в Бельгии, в 15 км от столицы Европы, продемонстрировали европейский, иначе, мировой, характер события, имевшего всемирные последствия. Однако французы отказались участвовать в церемониях, связанных с 200-летием Ватерлоо под тем предлогом, что не празднуют поражение. С чем связана такая позиция властей? По мнению Керна, Пятая республика с трудом принимает наполеоновское наследие: французским властям весьма тяжело вынести бремя наполеоновских завоеваний.

Какой итог можно подвести торжествам, посвященным юбилею Первой империи? Парадоксально, но Наполеон, этот сын Французской революции, не может найти себе место в современной Франции! Мероприятия продемонстрировали не только интерес и даже страсть французов к Наполеону, но и его отрицание. Керн задается вопросом: почему Франция, страна, ставшая родиной «наполеоновской легенды», сегодня

⁸⁹ Hazareesingh S. Op. cit., p. 14.

⁹⁰ Ali, *mameluck*. Journal inédit du Retour des Cendres 1840. Paris, 2003.

⁹¹ Jourdan A. Op. cit.; Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire. Paris, 2004; Dalisson R. Célébrer la nation: les fêtes nationales en France de 1789 à nos jours. Préface de S. Hazareesingh. Paris, 2009.

⁹² Hazareesingh S. Op. cit., p. 14.

⁹³ Mauduit X. Op. cit., p. 7–8.

⁹⁴ Ibid., p. 8.

пытается так кардинально с ней порвать? Как французские элиты смогли распродать наполеоновскую память, в то время как французский народ сделал из Наполеона одного из своих самых популярных героев?⁹⁵ Такой же итог коммеморациям подвел и известный французский историк Жак-Оливье Будон: празднования выявили расхождение между официальной позицией властей и общественным мнением⁹⁶.

Керн задается вопросом: была ли цепь коммемораций похоронным звоном для Наполеона и нужно ли ждать 2021 г., 200-летнего юбилея со дня его смерти, чтобы вновь разгорелось пламя интереса к его имени и его мифу? Или с императором покончили?⁹⁷

Вовсе нет! Спровоцированная торжествами полемика вокруг имени Наполеона только усилила его позиции в современном культурном и медийном пространстве. Споры о нем не утихают. Сегодня, как и вчера, Наполеон продолжает разделять французов. У него есть почитатели и противники, но он никого не оставляет равнодушным. Как отмечает Будон в предисловии к книге Керна, император, без сомнения, является одной из самых популярных исторических фигур как во Франции, так и во всем мире⁹⁸.

Хазарисингх рассказывает в книге, как его пригласил в гости один французский историк, поведавший, что благодаря бывшему слуге императрицы Евгении, жившему в их деревне, его семья владеет коллекцией солдатиков из свинца, принадлежавших Римскому королю. Эти солдатик были специально заказаны Наполеоном для своего сына. По словам историка, даже для тех его друзей, которые никак не связаны с наполеоновской традицией, император остается предметом обожания. Когда он пригласил одного из давних парижских друзей, бывшего сенатора-коммуниста, на свою лекцию о наполеоновской легенде, тот ответил: «Я охотно приду. Но будь внимателен к тому, что ты будешь говорить! Я очень люблю Наполеона»⁹⁹. В предисловии к книге он рассказывает, как в декабре 2004 г. в Париже он искал рождественский подарок для своих английских друзей и увидел двух дам, разглядывавших коллекцию наполеоновских сувениров. Одна сказала другой: «Что-то я у тебя такого Наполеона не видела». А та ответила: «Мой гораздо лучше, у меня из бронзы, он принадлежал еще моему прадедушке, офицеру Великой армии»¹⁰⁰.

Власти Франции вполне готовы использовать этот незатихающий интерес к имени Наполеона, ставшему общепризнанным и весьма прибыльным брендом. Об этом свидетельствует развитие наполеоновского туризма, которому благоприятствует создание наполеоновских маршрутов в Европе под эгидой Европейской федерации наполеоновских мест. Статуэтки, многочисленные сувениры в магазинах Аяччо, в сувенирных лавках Музея Армии и дворца Фонтенбло обоснованы скорее логикой бизнеса, чем подлинным духом празднований¹⁰¹. По словам Хазарисингха, во Франции историческая память как таковая стала индустрией, и это касается любой значимой даты. В 2004 г. праздновали 200-летие империи; в 2005 г. — 100 лет партии социалистов. По словам историка, пока он любовался статуэтками Наполеона, предприниматели уже изготавливали бюстики Жореса¹⁰².

Французские власти анонсировали строительство парка Наполеона в Монтере, департамент Луара. В Мароль-сюр-Сен планируют открыть историческую деревню, посвященную императору. Работы оценены в 200 млн евро, для парка уже выделено 200 га вдоль линии TGV Париж — Марсель. Парк Наполеона будет занимать 50 га,

⁹⁵ Kern E. Op. cit., p. 9.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Ibid., p. 219.

⁹⁸ Ibid., p. 9.

⁹⁹ Hazareesingh S. Op. cit., p. 12–13.

¹⁰⁰ Ibid., p. 11.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Ibid., p. 11–12.

предусмотрена зона для гостиниц, зал конгрессов и паркинг. Проект был объявлен мэром Монтере в 2011 г. Он работает вместе с Шарлем Наполеоном и Ж.-О. Будоном. Все должно быть закончено к 2021 г.¹⁰³ Кроме того, на Святой Елене был открыт аэропорт — все это французские власти вполне готовы использовать¹⁰⁴.

* * *

Итак, если современные французские политические элиты стремятся дистанцироваться от имени Наполеона, более того, он их раздражает, то французский народ превратил его в одного из своих популярнейших национальных героев. Как объяснить безрассудную страсть коммемораций 2015 г.? Почему французы, после многих лет военных наборов и войн, в которых они потеряли своих сыновей, братьев, отцов во всех концах Франции, сожалеют об императоре со времени его первого отречения и отправления на Эльбу? Наполеон продолжает очаровывать французов; он больше, чем кто-либо другой, присутствует в географии Франции, и особенно в географии Парижа. Бульвары носят имена маршалов Наполеона, улица Риволи, Лувр, Версаль, Парламент, Собор Инвалидов, — какие монументы и исторические места одного из красивейших городов мира не испытывают влияние Наполеона? Названия станций метро тоже показательны: Ваграм, Йена, Аустерлиц, Кампо-Формио, Пирамиды...

Наполеон — объект фильмов, выставок, конференций, статей в научных и глянце-вых журналах, изданий для специалистов и широкой публики. Память о нем поддерживается различными организациями: это университетские структуры, такие как Институт Наполеона, частные институты, такие как Фонд Наполеона.

Почему имя Наполеона так популярно в современном мире? По мнению Керна, память о Наполеоне представляет собой экстраординарный парадокс: сегодня она больше интернациональная, чем национальная. В Париже многочисленных иностранных туристов привлекает не только Эйфелева башня и Нотр-Дам; многие из них стремятся посетить и Собор Инвалидов, чтобы увидеть могилу Наполеона. Наследники Европы, которую стремился завоевать Наполеон, приходят к месту погребения этого «великого человека»¹⁰⁵.

По словам Хазарисингха, для многих французских историков и политических деятелей Наполеон остается «французской страстью». Как полагает историк, Наполеон всегда будет в центре полемики, поскольку чем больше о нем узнаешь, тем больше понимаешь, что это неисчерпаемый персонаж¹⁰⁶. Но это не единственная причина, объясняющая его популярность.

Прежде всего, он сам создал свою легенду, и эта легенда стала жить своей жизнью, вошла в плоть и кровь нации. Как писал еще Шатобриан в «Замогильных записках», «мир принадлежит Бонапарту; то, чего не успел захватить сам деспот, покорила его слава; при жизни он выпустил мир из рук, но после смерти вновь завладел им. Говорите, что хотите — никто не станет вас слушать... Ныне Бонапарт уже не реальное лицо, но персонаж легенды, плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок; это Карл Великий и Александр, какими изображали их средневековые эпопеи. Этот фантастический герой затмит всех прочих и пребудет единственно реальным»¹⁰⁷. При этом, как пишет Керн, «изнанка» наполеоновской эпопеи — кровавые войны, диктатура, убийства в Яффе, — все это отступает на второй план, будто забывается¹⁰⁸. По словам историка, Наполеон очаровывает не потому, что он великий «обычный» человек, а потому, что он сам создал сценарий своего появления как героя, полубога, предмета культа. Независимо

¹⁰³ Kern E. Op. cit., p. 13, 219.

¹⁰⁴ Ibid., p. 10.

¹⁰⁵ Ibid., p. 9.

¹⁰⁶ Ibid., p. 220.

¹⁰⁷ Шатобриан Ф. Р. де. Замогильные записки. М., 1995, с. 324.

¹⁰⁸ Kern E. Op. cit., p. 552.

от того, любят его или ненавидят, сила его мифа подавляет. Наполеон этого хотел, он сам творил свой миф, он навязал его своим современникам еще при своей жизни, обогащая его еще больше уже после своей смерти. Король Италии, император французов, Бог войны — Наполеон сам конструировал свой имидж¹⁰⁹.

Отсюда и вечные споры вокруг Наполеона. Он порождает полемику, вызывает дебаты. Споры идут о том, кто он, наследник Революции или ее могильщик, деспот или реформатор, великий капитан или «корсиканский ячмень», герой или диктатор, виновный в закате Франции, ответственный за поражение даже при Седане, работорговец. И тех, и других немало. Наконец, вечная полемика вокруг причин смерти Наполеона регулярно воспроизводится в СМИ¹¹⁰. Его жизнь восстановлена буквально по дням; его переписка опубликована, источники многочисленны. Соответственно, историкам известно все о Наполеоне, но они до сих пор пытаются его понять.

В 1819 г. в Англии появилась брошюра Ричарда Уатли «Исторические сомнения относительно Наполеона Бонапарта». Автор задается вопросом: можно ли доказать существование Наполеона? Сомнения относительно его существования являются сюжетом другой брошюры, появившейся в 1836 г. под названием «Как будто Наполеона никогда не существовало». Автор — Жан-Батист Пэрэ, библиотекарь города Ажен, — доказывает, что Наполеон в действительности был солнечным мифом. «Наполеон Бонапарт, о котором столько всего написано, вовсе не существовал. Это только аллегорический персонаж, персонифицированное солнце». Какие доказательства приводит автор? У поэтов солнце именовалось Аполлоном, имя которого напоминает имя «Наполеон». Мать Аполлона — Лето. У римлян — Латоне, Летиция¹¹¹.

Модюи отмечает, что в какой-то степени это так, ведь реальный Наполеон скрыт огромным пластом мифологии, он превратился в легенду и неотделим от нее. О Наполеоне еще при жизни говорили, как о легенде¹¹².

Этой же позиции придерживается и Керн. По его мнению, Наполеон, в отличие от других великих исторических персонажей, живет в рамках мифа, наложившегося на историческую память. Он создал свою собственную судьбу, одевая ее в различные одежды. Если Людовик XVI представляется французам, по мнению Керна, исключительно в костюме мученика, то Наполеон многолик: вот он в самой гуще сражения, вот он покоряет Альпы, вот он в заснеженных равнинах России, вот он у египетских пирамид под палящим солнцем, или позирующий в костюме святого. Наполеон, по словам Керна, воспринимается как военный лидер, не непобедимый, но гениальный; глава государства, не идеальный, но переполненный энергией¹¹³.

Особенно Керна поражает тот факт, что Наполеон, завоевавший большую часть Европы, продолжает очаровывать не только французов, но и иностранцев. По его словам, «немцы, итальянцы, поляки и, что еще более удивительно, русские и англичане, европейцы в целом, — все они остаются во власти чар Наполеона, который их подчиняет, завораживает, причем даже больше, чем французов»¹¹⁴. По мнению Керна, огромная Россия сохраняет прочную связь с наполеоновской памятью. Он отмечает сложные отношения между Наполеоном и Александром; говорит о влиянии Отечественной войны 1812 года на менталитет русского народа, об огромных разрушениях, которым подверглась территория России вследствие французского нашествия, о разорении целых городов, о сожжении Москвы. При этом в России много музеев не Наполеона, но Отечественной войны 1812 года. По словам Керна, современные

¹⁰⁹ Ibid., p. 10.

¹¹⁰ Ibid., p. 12.

¹¹¹ Mauduit X. Op. cit., p. 9–10.

¹¹² Ibid., p. 11.

¹¹³ Kern E. Op. cit., p. 12.

¹¹⁴ Ibidem.

русские — это самые восторженные почитатели Наполеона и самые страстные коллекционеры всего, связанного с его именем¹¹⁵.

Наконец, «лучшие враги» французов, англичане, по отношению к Наполеону испытывают нечто среднее между восхищением великим стратегом и ненавистью к диктатору, жаждавшему захватить Британские острова. Его имя до сих пор разделяет англичан, как и французов. Тем не менее, как пишет Керн, самые разные британские историки утверждают, что Наполеон — это враг, предпочитаемый англичанами, поскольку он был врагом блестящим, и они его победили. Главный музей Наполеона в Лондоне находится в доме «железного герцога» Артура Веллингтона, победителя Ватерлоо, который, кстати, с восторгом отзывался о своем противнике.

Ж. Тюлар в предисловии к книге Ж. Пуасона также подчеркивает, что имя Наполеона обладает большей популярностью за рубежом Франции. Его лицо стало одним из самых узнаваемых и растиражированных французских «лейблов» в мире. Спустя 200 лет после падения империи, этот исторический персонаж и его период сохраняют неослабевающую привлекательность для новых поколений. По словам Тюлара, дебаты, происходящие вокруг имени Наполеона, во многом «искусственные». Они всегда устраиваются в угоду массовой публики, периодически такие споры организуются в прессе. Наполеон умер, отравленный одним из своих приближенных на Святой Елене? Правда ли он является сыном Карло Буонапарты? Его ли тело покоится в Соборе Инвалидов или это тело Киприани, его слуги в последней ссылке? Все эти вопросы, по мнению Тюлара, только поддерживают наполеоновское пламя, и даже если историки прольют свет на все эти вопросы, в СМИ постоянно будут появляться «сенсации», которые будут только подогревать интерес в Наполеону.

Другие авторы говорят о том, что легенда создавалась не столько Наполеоном, сколько писателями-романтиками. Такая постановка вопроса весьма актуальна в связи с огромной важностью художественной литературы в формировании исторической памяти и исторических представлений. Ведь именно Шатобриан, Мюссе, Бальзак, Стендаль, Гюго, Беранже вместе с солдатами Великой армии стояли у истоков легенды. Даже в работе «Наполеоновский миф: от Лас Каза до Виктора Гюго» ставит вопрос: Наполеон, это исторический персонаж или это литературный герой?¹¹⁶ По словам Модюи, история французов и отчасти европейцев этого периода сводится к одному человеку. Чтобы проиллюстрировать эту идею, достаточно вспомнить «Исповедь сына века» Альфреда де Мюссе: «Единственный человек был тогда в жизни Европы. Все остальные лишь старались вдохнуть воздух, которым он дышал»¹¹⁷.

И еще одно, на мой взгляд, самое важное — Наполеон позволил французам поверить в то, что они лучшая нация, он дал им чувство национальной гордости. Генерал де Голль в беседе с Мальро об этом замечательно сказал: «Он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием»¹¹⁸.

Альфонс Ламартин в январе 1839 г., выступая в парламенте, произнес свою знаменитую фразу, известную в сокращенном варианте: «Франция скучает» (в полном варианте она звучит так: «Франция — это скучающая нация»)¹¹⁹. Это во многом объясняет причину непопулярности в национальной памяти короля Луи-Филиппа и популярности Наполеона, при котором французам было точно не до скуки. Главное, Наполеон подарил французам чувство величия, или, говоря словами Стендаля, изменил мораль французского народа. Как писал Гейне, «последний крестьянский сын совершенно так же, как и дворянин из древнейшего рода, мог достигнуть... высших

¹¹⁵ Ibid., p. 13.

¹¹⁶ Pagé S. Op. cit., p. 7.

¹¹⁷ Musset A. La confession d'un enfant du siècle. Paris, 1836, p. 8.

¹¹⁸ Malraux A. Op. cit., p. 102.

¹¹⁹ Цит. по: Mauduit X. Op. cit., p. 281.

чинов и приобрести золото и звезды. Поэтому-то в каждой крестьянской хижине и висит портрет императора. ...В его портрете многие, может быть, чтут лишь померкшую надежду на собственное величие»¹²⁰. «Невозможно» — это не по-французски», — эти слова Наполеона туристы могут прочесть на сувенирных кружках в Музее Армии. Именно это воспламеняет сердца французов, и именно это чувство достижения невозможного он подарил французам.

Не следует пренебрегать непреодолимым магнетизмом и харизмой его личности, в которой, по словам Хазарисингха, не было ничего театрального. Но только одной харизмой трудно объяснить наполеоновский культ¹²¹. Наполеон — это не просто действующее лицо истории, он ее создатель, он сам ее писал. По словам Журдан: «Войти в историю, делать историю, подняться над соотечественниками, над личностью, над действиями, это исключительный талант»¹²².

Хазарисингх выделяет три фактора успеха «наполеоновской легенды». Главный момент, это опыт Ста дней в 1815 г. Второе — принятие республиканцами наполеоновского наследия. Третье — народная страсть и креативность, проявляющаяся в том, что это почитание Наполеона часто сопровождается переосмыслением его личности и наследия, и это наследие — универсально: из воина он превращается в миротворца, гаранта порядка, создателя свободы и гражданского равенства. Из завоевателя — в благодетеля и освободителя народов; создателя Великой нации, певца европейского единства. Из императора — в защитника ценностей великой Революции. Вышедший из скал Святой Елены, он символизирует вечное возвращение к божественным истокам. Эти противоречия, по словам автора, не настолько парадоксальны, как может показаться на первый взгляд. Ведь сам Наполеон был человеком удивительной пластичности, способным на радикальные метаморфозы. Его меняющаяся легенда опирается на изменяющуюся историческую реальность. Но разве не верно и то, задается вопросом историк, что в его загадке и кроется большая часть его притягательности?¹²³

* * *

Кажется, уже давно закончился этот «длинный XIX век», когда французский народ не прекращал вдыхать то, что Луи Арагон называл «пьянящим запахом наполеоновского пороха». На протяжении XIX столетия отношение властей к Наполеону и предметам его культа, его наследию трансформировалось. В годы Реставрации обладание ими воспринималось как принадлежность к «мятежникам», врагам режима, и множество было арестовано или подвергнуто преследованиям просто потому, что владели бюстом, статуэткой, носовым платком или табакеркой с изображением Наполеона. Июльская монархия осуществила официальную реабилитацию памяти Наполеона, доведя ее до культа. Французы воспламенились наполеоновскими воспоминаниями. Они питались Стендалем, Гюго, Бальзаком и «Мемориалом Святой Елены». Сначала они покупали картинки с изображением Наполеона и предметы, связанные с его именем, а потом эта ностальгия по империи воплотилась в империю самую настоящую, уже Вторую, созданную племянником Наполеона¹²⁴.

Тех времен больше нет. Но, по словам Хазарисингха, Наполеон живет как некая отправная точка в коллективном сознании французов. Он всегда представлен в «витрине» национальной памяти. Французы им гордятся, даже если они не так многочисленны в своем паломничестве к Собору Инвалидов, куда устремляются больше иностранцы. По словам историка, Наполеон реально присутствует в жизни французов. И эта «витрина» касается равным образом частной сферы, когда французы хранят

¹²⁰ *Тейне Г.* Указ. соч., т. 4, с. 181.

¹²¹ *Hazareesingh S.* Op. cit., p. 11–12.

¹²² *Mauduit X.* Op. cit., p. 283.

¹²³ *Hazareesingh S.* Op. cit., p. 15.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 12.

какие-то реликвии, передают из поколения в поколение предметы или предания, связанные с именем Наполеона¹²⁵. Он по-прежнему продолжает занимать привилегированное место в коллективном сознании нации.

Саша Гитри, известный французский актер, писатель и режиссер, в книге «Наполеон» более чем полвека назад написал: «Представим себе некую фавулу: человек родился на острове, мечтал всю свою жизнь завоевать остров, вернулся на остров и, против своей воли, умирает на острове»¹²⁶. На первый взгляд, так оно и было, только он хотел завоевать не остров, а весь мир. И он его завоевал, не реально, но своей легендой, памятью и мифом...

¹²⁵ Ibid., p. 2.

¹²⁶ Guitry S. Napoléon. Paris, 1955, p. 20.